

● ● ●
Близок сумерек миг —
Золотая громада
Облететь не успевшего сада,
Словно сердца отрада,
Медным звонам в округе не рада
И подобью вериг.

Налетит серебро,
Иней в горле застынет —
Но тебя не покинет
Тот, кто людям приносит добро, —
Если горе пронзило ребро,
Только руки раскинет.

Жаркой кровью алей,
Ты, разбросанный в листьях надолго
Уговор кривотолка
С дерзновенной толпой тополей,
Где пронзён наважденьем осколка
След разлуки в печали аллея.

Прощевай, прощевай,
Возвращайся скорее,
Ты, рыдающий глаз не жалея, —
И в лицо узнавай
То, что встало пред нами, болея,
И уже пролилось через край.

Назревай же сполна,
Ты, что явлено, что безгранично,
Ты, ведущее так непривычно,
Словно в душу вошла тишина,
Там, за кромкой, за гранью столичной,
Наклоняясь к тебе, как весна.

Надежда

В дожде нахлынувшем ты выглядишь радушной —
Затмением солнечным на время смущена,
Припоминаешь наши имена,
Владелица обители воздушной.

Хранилище преданий и письмён
Ты никогда ещё не открывала
Тому, кто рвал с Изиды покрывало,
Тщетою людской от скуки приручён.

Могла ты осерчать иль приласкать —
Ведь мы, живя, то гибнем, то воскреснем, —
Но то, что ты моим дарила песням,
Вовек мне у других не отыскать.

Бывало, думал: всё ли ты со мной? —
Прислушивался к голосу из ночи —
И мне твои разбуженные очи
Дороже были мудрости земной.

В забвеньи пропадали иль во хмелю,
Иль смерти зрел жестокое обличье —
Везде я сознавал твоё величье —
И ни за что тебя не прогневолю.

Есть память, человеческой древней, —
В рыдании живёт она и стоне, —
И вновь твои горячие ладони
Гнездо свивают в судороге дней.

В той памяти — рождений череда,
И ты, о восприемница благая,
Ребёнка из купели принимая,
Его не покидаешь никогда.

Полночь

Истосковавшись по зиме,
Мы забываем оглянуться
Туда, куда нам не вернуться,
Куда не выйти в полутьме.

Не заглянуть за локоток
Обеспокоенной метели, —
Мы сами этого хотели —
Глотать потери горький сок.

Неторопливей и черней
Приходит сумрак вечерами,
Как некий гость, к оконной раме —
А мир просторней и верней.

А мир осознанней стократ,
Непогрешимый и суровый,
Сгущает лезвия надбровий,
Неподражаемый собрат.

И снег, оттаивая вдоль,
Не устоит пред этим взглядом,
Зане смутился где-то рядом,
Свою запамятовав роль.

И что мне делать с этой мглой
Без домино и полумасок,
Где сыплют пригоршнями сказок
В котлы с расплавленной смолой?

Вечерний свет

Деревья здесь выстроят ряд,
Пронизаны светом вечерним, —
И кроны подробно горят,
Подобны кострам суеверным.

Неужто и там, наверху,
Где облако с облаком слиты,
Я это виденье влеку
Сожеством давешней свиты?

Неужто, вниманию рад,
Волнением слишком доволен,
Январский досуг и обряд
Предсказан и впрямь своеволен?

И, в детских дрожа голосах,
Струится из воздуха дрёма —
И стрелкам, спеша на часах,
Не выйти из доброго дома.

И люди, сквозь лёд проскользнув,
Заботами сыты, как птицы,
Чтоб, дней продолжение вернув,
Проснуться и не загордиться.

И дышит, всему вопреки,
Неравное рвение это
Присутствием древней реки
И зовом вечернего света.

Перед дождём

Словно думы титанов, клубятся вблизи облака —
И вершины дерев, отрешённо, как тени героев,
Уходящие вкось, ждут подземного, может, толчка,
Чтоб по струнам ударить, прозрачные лиры настроив.

Назревающий дождь, будто медленный гул в небесах,
Исступлённо дыша, надвигается вширь и бормочет
О какой-то отсрочке, кукушкой на старых часах
Прокричавшей о жизни, — и, кажется, спрятаться хочет.

Чьи-то веки, пожалуй, давно уж пора приподнять —
Как томительно лето! — подобно младенцу в купели,
Ощущает крещенье — и всё-таки хочется спать,
Всех, как есть, позабыть — и вернуть, чтоб опять надоели.

Как упрямы слова! — не напрасно им в мире дано
Принимать наяву на себя и хвалу, и удары, —
Приоткрытое плещет зеркальной створкой окно —
И неведомым зельем давно переполнены чары.

Выпей с нами, истец, за великую сущность миров!
За высокую связь поднимай свою рюмку, истица! —
Вьётся птица вдали — и обрывок пространства суров,
Как изнанка холста, где иглы затерялась частица.

Как любви ни таи, непредвиденно вспыхнет она,
Как себя ни казни, всё же вспомнишь порой о хорошем —
Соглашайся же с ночью за то, что надменно темна,
Примирайся же с утром за то, что ты солнцем не брошен.

О, скажи мне, скажи — чьё обличье в окне узнаю?
Не Медуза ли там? — потому-то в жилье человечьем
Так нам дорог уют, о котором невольно пою
И бальзамом которого раны сердечные лечим.

Выцвело тополя белое пламя —
Что же осталось? — ведь музыка с нами! —
Как уместить её зябкою ранью
Узкою змейкой в окошко с геранью,
Флейтою, словно лебяжьей шеей,
Предвосхищавшую суть приглашений,
Дымчатой скрипкой в тумане осеннем
Предполагавшую вечность растениям —
И над забытым реки перекатом,
Не растерявшись в ритме покатом,
Вновь обретавшую оба крыла,
Чтобы настигла или взошла?

Пух улетающий мой тополиный
Перед холмами и по-над долиной,
Вянущий, стонущий, стынувший в раже, —
Что же пространно и попросту краше? —
Кличущий, плачущий, вьющийся дольше,
Прячущий то, что утраты не больше!
Пух улетающий тополиный,
Клин исчезающий журавлиный.

Складень

I.

Никогда не вернёшься— прощай!—
И прекрасных мучительниц лица—
Это смута, почти небылица,
И желанного не обещай—
Никогда не вернёшься— прощай!

Станут птицы глядеть на весу,
Как идёшь ты походкой невинной,
В темноте понимая старинной,
Почему это бремя несу
От страданья до шага надежды,—
И уже открываемы вежды—
Это ключ или, может, звезда,—
Я тебя не найду никогда.

Прощевай! Улыбнись да забуду—
Только в памяти светлой пребуду,
И, наверное, руки теплы
В этой грусти прощанья с тобою,
Где идти да идти за судьбою,
Иногда появляясь из мглы.

II.

Надежды, вспыхнувшей, как сон,
Предназначение невесомо—
И дом, как выверенный тон,
Где скрипок спрятана истома.

Твою усталость не сберечь—
И если скрипкою томится,
Помогут гордость или речь
Взглянуть на преданную птицу.

Я знаю— крылья тяжелы—
Легки в полёте и моленье,
Дрожа от зоркости иглы,
Они предчувствуют старенье.

И в этой зыбкости ночной
Зрачку даровано так много,
Что, возникая надо мной,
Они как ангелы у Бога.

И высший чин— кручины часть
И весть, явившаяся внове,
Когда к руке твоей припасть—
Как удостоиться любви.

И, может, с веком наравне
Улыбка женщины продремлет,
Покуда в горней тишине
Её как равную приемлют.

III.

Свеча в руке моей горит—
И одиночество разыскивает смутно,
В неугомонности теряясь поминутно,
Те ночи, что темны и бесприютны,—
И голос твой так медленно и трудно
Со мною говорит
Отдельно выпорхнувшей ласточкой
средьзимней
Вне облика родного твоего,—
И слушаю растерянно его
В непостижимости взаимной,
И слово нежное снежинкою живёт,
Лишь прикасается и тает,
И лепета ему едва хватает,
А смысл отвергнутый не к месту и не в счёт.

Я Рождество встречаю без тебя,
Прошу у Бога музыки и речи,
Чтоб так нетронуту не вздрагивали плечи,
Воспоминанье разлюбя,
Чтоб губы горькие вернулись и раскрылись
Навстречу вечеру и пристальной свече,—
Они без гордости не мыслимы— вотще!—
И очи, приближаясь, воцарились.
А город спит— и длится Рождество,
Единым вздохом звезды зажигая,—
И ты, смятенная, даруешь волшебство,
В огне и холоде едино дорогая.

Рождественской ночью взгляни за окно—
И выбери там нелюдимо,
Что очи изводит, с тобой заодно,
В сиянье Стожар постижимо.

Не ты ли касался ладонью волны
И пену Кипридину видел?
Твои ль упованья и ныне темны
И странен языческий идол?

Не твой ли восход восставал из небес,
С отчизной твоей неразлучен,—
И многих ли был ты свидетель чудес,
Речных покоритель излучин?

Где мука для ангела? в сонме ли звёзд?
Иль в музыке хрупкого строя?
Вопрос— не разгадка, и выбор непрост,
И дорого счастье земное.

В канун Крещенья

Во имя прежних дней бокалы осушив,
Поднимем новые—ведь будущее с нами,
В дожде и холоде блуждающее пламя,
Распластанный и собранный мотив
Из песней, вопрошающих во мраке,
Зиме предпосланных, как редкостный урок,—
И я не бесконечно одинок—
Мы с памятью на диво одинаки.

И ты, желанная, так свято хороша,
Так руки белые теплы и терпеливы,
Что движутся часы неторопливо
Туда, где пробуждается душа,
И—птицы южные над кипенью снегов—
Мы этими просторами владеем,
Покуда не уйдём, не охладеем
С повинной под защитой очагов.

И так, голубушка, мне кажется, яснее,—
Не скрою—мысль моя, наверно, потускнеет,
Отстанет верностью,—и вновь наговорят,
Что деревьям, не склонным к опаданью,
Негоже настораживать гаданье
И должно ли развенчивать обряд.

А реки древние текучи подо льдом,
И струи ртутные нахлынут и отпрянут—
И вдумываться в истину не станут,
Намаявшись и выбравшись потом.

И прошлое откликнется на зов,
Где вёрсты заменяют ощущения,
Созвездьем карточным держа в канун Крещенья
Сто восемнадцать венецских островов.

Мне кажется, я вспомнил этот снег,
Ютящийся средь мартовских проталин,
Где город воспалён и разбазарен,—
И ты к нему причастен, человек.

Медлительно поступью тепла
Вплотную придвигается цветенье—
И, трогая события и растения,
Судьба твоя дорогу перешла.

До сумерек идти недалеко—
Всё лучшее уходит безвозвратно,
А сущее хотело бы обратно,
Да только возвратиться нелегко.

Потом разбушеваться воробьям—
А там без приземленья по низинам
Засматриваться невообразимым,
Закатываться к радостным краям,

И снова замыкаются круги
В снегах и перезвонах колокольных—
И нет путей огульных и окольных,
А только безотрадные шаги.

● ● ●
Бег Лошади над спящею рекой—
Ужели заслужу благословенье?—
И так ли сознаёшь прикосновенье
Бестрепетной и чуткою рукой?

Да птица ль ты? Их столько развелось,
Поющих и летающих во мраке,
Что я свои угадываю знаки,
А лишних находить не привелось.

Предчувствую и чествую уже
Тебя, музыка снежного покоя,
Размеренностью флейты и гобоя
Звучащая и в жизни, и в душе.

Тебе ль не покровительствует ночь,
Потворствуют слепые расстоянья,
Чтоб милые собрать воспоминанья
И, может, появиться и помочь?

Как волос белый, пение смычка
Напомнит нам о возрасте и часе,
Где столько останется в запасе,
Что сам не разглядишь издалека.

И наигрыш томительный высот
Разлука упованью посвятила,
И странствиям предпосланы светила—
Страданий очевидцы и красот.

● ● ●
О том, что было и прошло,
Никто на свете не расскажет—
Оно от сердца отлегло—
Кто отвечать его обяжет?

Ночное вспомнил я окно—
Не в нём ли видел я вот это
Простор постигшее давно
Явленье внутреннего света?

Никто меня не удивит—
Ночные бденья мне знакомы
От назревания обид
До прозревания истомы.

Головоломкой бытия
Никто меня не озадачит—
Сама сегодня не своя,
Она лица от нас не прячет.

Её отчаянье сейчас
Неизреченному дороже—
Оно чужих коснётся глаз,
Проснётся, душу растревожа.

Её открытые черты
Одно видение смущало—
Животворящей красоты
Кровоточащее начало.